

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев

**СОЗДАТЕЛИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КОМИ КРАЯ
(конец XIX – начало XX века)**

*Материалы к международной научной конференции
«Северный текст в русской культуре»
(Архангельск, 25–28 июня 2003 г.)*

Сыктывкар
2003

Традиционно принято считать, что русская литература в современной Республике Коми начала формироваться в 1950-х гг., и ее становление связывается с творчеством русских авторов (см., напр., энциклопедию «Республика Коми», Сыктывкар, 1999, т. 2, с. 563). Ни в коей мере не ставя под сомнение эту концепцию, хотелось бы, однако, отметить, что истоки формирования русской литературы Коми республики можно отнести к существенно более раннему периоду. В частности, нельзя не обратить внимание на русскоязычные произведения конца XIX – начала XX вв., причем литературным творчеством на русском языке занимались тогда выходцы как из русской, так и из коми (или зырянской, как тогда говорили) этнической среды.

Разумеется, общеизвестно, что еще перу первых коми поэтов, и в частности, основоположника коми литературы И.А.Куратова принадлежит ряд произведений на русском языке, среди которых часто цитируемое куратовское стихотворение 1865 г. «Усть-Сысольск»:

*«Город пошлый, город грязный!
Заместил твои концы
Сброд какой-то безобразный,
Подлецы все да глупцы!
Из грязи без сквернословья
Ног не вынешь! Пять домов,
Храм один, а все сословья
Ходят в двадцать кабаков!»* и т.д.

Однако творчество И.А.Куратова принадлежит, разумеется, коми литературе. Но некоторые представители зырянской творческой интеллигенции на рубеже XIX и XX столетий обращаются к активной литературной работе именно на русском языке.

Крупнейшей в этом плане фигурой является, бесспорно, выдающийся коми писатель, просветитель, ученый-энциклопедист, один из первых и оригинальнейших философов Российского Севера Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926), о котором хотелось бы рассказать подробнее. Судьба К.Ф.Жакова сложилась непросто. Единожды родившись, он дважды умирал и трижды был похоронен. Всю свою жизнь Жаков находился в творческом поиске, стремясь открыть что-то новое в литературе, просвещении, науке, в постижении мира, найти в нем свое место и помочь другим обрести истину. Его искания во многом были определены религиозными воззрениями К.Ф.Жакова, основы которых

закладывались в сознании мыслителя еще в раннем детстве, и тем, что он, в сущности, принадлежал двум культурам – коми (зырянской), впитанной им с молоком матери и детским впечатлениями, и русской, воспринятой в более зрелом возрасте.

Детство его прошло в Коми крае. Отец, талантливый резчик из-под Усть-Сысольска, подрабатывал на украшении иконостасов в православных церквях, разбросанных по разным селениям края, мальчик сопровождал его. Детские впечатления от этих путешествий прочно запали в душу К.Жакова. Немало времени проводя в деревенских храмах, в обществе священнослужителей, он впитывал в себя церковную атмосферу духовности, и это, быть может, сказалось в некоторых его решениях и поступках. Не случайно многие годы спустя Каллистрат Фалалеевич назвал иконостас православной церкви «символическим остатком всей мудрости древней философии».

Впрочем, родители К.Ф.Жакова не очень строго соблюдали нормы православия. Мать, например, в пост поила сына молоком «и была не больно-то религиозна», вспоминал позднее К.Жаков. И воззрения жителей Коми края в целом не вполне соответствовали христианским канонам. Впоследствии Жаков писал об этом: «Воображение жителей этого края должно быть поражено таинственной суровой природой и полно своеобразного грубого мистицизма и недоверия к природе и человеку». Этот «мистицизм», наследие былых языческих верований, широко бытовал среди коми, переплетаясь с христианством, что дало основание исследователям первой трети XX века говорить о «двоеверии» коми. Так, в окружении леших, водяных и христианских святых прошло детство Каллистрата Жакова [Жеребцов И.Л. «Зырянский Фауст» в поисках Бога // Арт. – 1997].

Осенью 1881 г. К.Жаков покинул Коми край и отправился в Тотьму, где, несмотря на плохое знание русского языка, был принят в учительскую семинарию. Он оказался в новой, необычной для него среде, оторванный от родных мест, от родственников и знакомых. Под влиянием окружающих, посещавших молодого зырянина, во взглядах Жакова на жизнь, на религию произошли разительные перемены. Семинарист увлекся чтением Дарвина, запоем читал «Происхождение человека», стал материалистом. «Меньше, чем в полгода я не только уже не верил «водяным», я просто ничему не верил», – писал он о том времени. «Убедился я, что мысль – химическое соединение в мозгу, что человек – обезьян, что великого Бога нет на небе». Это не прошло незамеченным для преподавателей семинарии, один из которых преследовал его «довольно упорно за атеизм». Кончилось тем, что по окончании в 1884 г. семинарии Жакова лишили права быть сельским учителем за его «вольнодумство», и он работал чернорабочим на заводе в Вятской губернии, служил писарем в селе Корткерос недалеко от Усть-Сысольска. Корткеросский

священник считал Жакова атеистом, и не без основания: в то время он, «кроме атомов, ничего в природе не признавал».

В 1888 г. К.Ф.Жаков поступил в 5-й класс Вологодского реального училища. Во время учебы Жаков увлекся идеалистической философией, открыл для себя Канта, Тэна. Изучение трудов Канта перевернуло внутренний мир Каллистрата Жакова. Былой материализм исчез без следа. В седьмом классе училища Жаков настолько попал под влияние Канта, что стал тяготиться жизнью: «Сущность вещей непознаваема, науки только знают призраки, наши ощущения. Для чего жить?» – рассуждал он и принял яд, но врачи спасли его. Избежав смерти, Жаков стал другим человеком. Он словно бы сразу повзрослел, стал всерьез задумываться над проблемами познания. В 1891 г. К.Жаков написал свои первые, еще ученические философские работы «О Боге» и «О границах познания».

После сдачи экзаменов Жаков отправился в Петербург, где поступил в Лесной институт, намереваясь стать лесничим, связать свою судьбу с зырянским лесом, манившим его своими вековыми тайнами. «Дремучий лес окружает зырян... Этот лес стал для него (зырянина) живым существом, могучим, таинственным, грозным. Прошли столетия, когда это грозное существо разделилось в уме некультурного человека на два существа, на лес, полный чудес и тайн, и на сурового хозяина в нем, бога лесов...» – писал он позднее. Но вскоре К.Ф.Жаков разочаровался в учебе. Огромный город, столица империи, неприятно поразил его: «Я видел тысячи рабочих бедствующих, видел суету, непрерывное движение и во всем отсутствие естественности и справедливости», – говорил он. «К чему такая суетливая жизнь, какую ведут в Петербурге, вообще в больших городах?». Не удовлетворяли Жакова и изучавшиеся предметы: «Науки естественные, которые читались в Лесном институте, мне совершенно ни к чему: нет духа в них» [Zherebtsov I. In Search of God // N66 – Kulturi Varentsregionen. –1999. – № 7].

Студента-зырянина влекло назад в провинцию, в глушь к деревенской несуетной жизни, где, казалось Жакову, сохранилась духовность народа. Вернулся былой, казалось утраченный навсегда вместе с детством интерес к Священному Писанию, ставший теперь более осознанным. «Мне захотелось стать священником», – вспоминал Жаков. Живший в Петербурге коми ученый и просветитель Г.С.Лыткин, с которым познакомился Жаков, одобрил его желание. Ректор Александро-Невской лавры Вассиан пронизательно заметил Каллистрату Жакову: «Вам трудно будет жить среди духовенства». Но тот, получив рекомендательное письмо от канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода к епископу Вологодскому Илариону, в конце декабря 1891 г. был уже в Вологде.

На встрече с Иларионом решался вопрос: учиться ли Жакову в духовной академии или посвятить себя священничеству. Епископ посоветовал пожить в

монастыре. Рождество Жаков встретил в Заозерской пустыни недалеко от Вологды. Он жил в келье, носил рясу послушника, читал церковнослужбные книги, жития святых, посещал богослужения, пел на клиросе, написал сочинение «О бессмертии и любви» («Там, начиная с описаний природы, восходил я к мысли о бессмертии, о вечной красоте и о любви», – вспоминал Жаков).

Через несколько месяцев Жакову поручили преподавание арифметики в существовавшей при монастыре школе. Увлечшись, он стал делать экскурсии в астрономию и физику, рассказал о солнце и планетах, о происхождении человека. «Есть ученые, – сказал он, – которые говорят, что Адама не было и Евы, и что люди произошли от обезьяны». Слухи об этих «еретических» речах быстро распространились по монастырю. К Жакову стали относиться с подозрением, направили на него жалобу епископу и прокурору. «Я понял, – писал позднее К.Ф.Жаков, – что не позволят мне огненно-живой речью освещать библейские и евангельские события... Я догадался, что в священники меня не поставят, а если и поставят, расстригут через некоторое время. Я должен был искать в жизни иные пути. Мне нужно было познать себя, утолить себя наукой и стать независимым проповедником истины и правды».

С мая 1892 г. до весны 1895 г. К.Ф.Жаков находился в Вологде под гласным надзором полиции. В 1896 г. он поступил в Киевский университет, где занимался математикой, геологией, анатомией, психологией, философией, историей, филологическими науками, переходя с физико-математического факультета на историко-филологический, не зная, на чем остановить свой выбор. В Киеве в 1896 г., по воспоминаниям самого Жакова, начались и его занятия литературным творчеством (поэзией).

Несмотря на неудачный опыт пребывания в пустыни Жаков не утратил интереса к религии (причем не только к христианской). Этот интерес еще более усилился в 1899 г., когда по окончании третьего курса он приехал на родину, где не бывал целых девять лет. Жаков посетил многие селения, знакомые еще с детства, но открывшиеся ему внезапно иной, неожиданной стороной. Он, по признанию Жакова, «впервые взглянул... на свои родные деревни, великие реки, дремучие леса как художник... и поразился красотой». Уезжая из Коми края, «полный сказочных сюжетов», по дороге (в Устюге) в том же 1899 г. он написал работу «Языческое мирозерцание зырян» (опубликована в 1901 г. в журнале «Научное обозрение»). Осенью 1899 г. Жаков перевелся на историко-филологический факультет Петербургского университета. Он читал рефераты по философии и фольклору. Последние были замечены преподавателями, и в 1900 г. Жаков получил от Академии наук командировку в Коми край. Результатом этой поездки стала написанная осенью 1900 г. работа «Этнологический очерк зырян» (опубликована в 1901 г. в журнале «Живая

старина»). В двух названных трудах основное место уделено религиозным верованиям коми народа, их истокам и современному состоянию. Можно предположить, что автора интересовала не только (и, возможно, не столько) сама научная проблема; он считал себя неотъемлемой частью зырянского народа и пытался, понять исторические корни своих собственных воззрений, ту основу, на которой они формировались. С написания этих работ начался переход Жакова на позиции религиозной философии.

Анализируя мировоззрение коми-зырян, истоки их «мистицизма», К.Ф.Жаков обращался прежде всего к природным условиям Коми края, к его бескрайним просторам, покрытым лесами, по которым разбросаны удаленные друг от друга вытянутые вдоль рек селения. Исследователь не случайно акцентировал свое внимание на этом, поскольку именно это он сам любил и ценил более всего. А современный ему город, машинную цивилизацию («мертвые машины..., жалкое изделие рук человеческих») Жаков считал препятствием на пути свободного развития людей, силой, нивелирующей человеческую индивидуальность. «Я удручен машинностью городов, не дающих досуга, не дающих развития личности», «Я – крестьянин и вот погибаю», – писал он.

Совсем иную картину являл собой Коми край, где не было крупных заводов, шоссеиных дорог, городов (за исключением небольшого Усть-Сысольска) с их суетной общественной жизнью. «Но здесь есть, – писал Жаков, – ...нечто другое – лесная жизнь. Леса наполняют здесь почти все пространство. Они – место охоты и подвигов, они источник мистицизма и поэзии. Леса ...беспредельны, и они развили чрезвычайную подвижность характера зырянина. Как мало в нем общественного ума, так же много дикой, стихийной силы... Он смел и отважен как охотник, ...он сын просторных вольных лесов». «Народ, живущий здесь, должен... держаться политеизма, верования, сущность которого в олицетворении великих явлений природы», – полагал к.ф.Жаков. «Поэзия религии... есть выражение природы местности, занятий народа». Наибольшее влияние на формирование верований зырян оказали, по мнению писателя и ученого, лес и охота. «Дремучий лес дал шаманству зырян определенное направление. Бог леса – вэrsa занял центральное место между богами, если не по могуществу, то по близости к человеку». «Зыряне живут по берегам, – продолжал он – ...Река их кормит и поит... Реки же являются путями сообщения. Поэтому другой цикл... поверий... касается воды и хозяина ее водяного». «Третье занятие зырян... земледелие. Оно зависело от других богов, от солнца, бога грома и молнии, ветров». Жаков считал, что «вэrsa», лесной хозяин, его жена – «ема», его дети, медведь – «ош», бог реки – «васа» были более близкими для коми богами. «Этим близким богам приносились жертвы». «У зырян были... кумирницы, полные медных и деревянных богов – леса, воды,

огня и т.д. Были священные березы, всегда украшенные шкурами зверей». Имелись и боги, которые «были далеки от людей»: «Небесный свод, украшенный звездами, был местом обитания бога «Ен»... На небе же жили солнце и луна – боги – и бык небесный – радуга (ошка-мошка)». Упомянул К.Ф.Жаков и о «своеобразном их (коми) учении об «орт» – двойнике человека... Когда человек приходит в гости, за ним приходит его «орт» – тень, двойник, такой же, как он, в такой же одежде, как тот человек. Когда человек умрет, «орт» еще продолжает жить», и его можно увидеть.

«Христианство не внесло внезапного переворота в этот мир своеобразной технологии и мифологии, – заметил К.Ф.Жаков. – До сих пор воззрения народа... полны мистического взгляда на природу и человека»; «мировоззрение (коми) не что иное как язычество, несколько измененное, смягченное христианством, но не уничтоженное им». К.Ф.Жаков говорил о «двоеверии» коми, об их «религиозной двойственности», причудливом сочетании православия с древними языческими верованиями. (Несомненно, эти его замечания можно отнести и к религиозным воззрениям самого Каллистрата Жакова, на формирование которых оказали влияние не только христианство и язычество, но и иные религии и верования Запада и Востока). «Двоеверие, – отмечал Жаков, – постепенно исчезает в народе под влиянием церкви и чтения книг Святого Писания», медленно видоизменяется «в истинно христианское верование». Но и «теперь, когда все старые боги забыты, бог леса еще играет огромную роль в... поверьях, суеверных рассказах. Он нет-нет да и появится со своею собакою между охотниками и закричит: «Тэт, тэт!» – так кличет он свою собаку».

С грустью отметил К.Ф.Жаков существенные отличия в отношении к религии у разных поколений коми. «Большая разница между дедами и внуками у зырян. Деда были звероловы, колдуны, мистики, певцы. Внуки – рабочие у лесопромышленников, дровосеки пермских заводов, в их душе мало мистицизма и совсем нет поэзии». «В душе подрастающего поколения, воспитанного русским заводским лицом, не стало прежнего идеализма, развившегося в дремучих лесах под влиянием языческой мифологии и начал христианства. Народ стал материалист. Богатство и сила – вот его боги... Религия мало его утешает». Падение интереса новых поколений коми и вере отцов и дедов, которую Жаков считал неотъемлимой чертой культуры, тревожила его: «Невольная грусть охватывает вас, когда посмотрите на молодых людей... Для чего живут они на севере? Что в них северного? Гармония нарушена между человеком и природою, и не стало смысла его существованию». Причину этих печальных для него перемен Каллистрат Жаков видел во влиянии промышленного развития, городской цивилизации. По мере увеличения занятости на различных подсобных работах в промышленности «народ стал не так усерден

к земледелию, забывает охоту, отвыкает от домашнего очага, разучивается говорить по-зырянски, грубеет в нравах». «Многие потеряли любовь к родине, уважение к старым обычаям». Пока Жаков лишь констатирует этот факт, не зная, где искать выхода. Решение придет к нему через два-три года...

В 1901 г. К.Ф.Жаков закончил Петербургский университет, некоторое время работал на кафедре русского языка и литературы, подготовил диссертацию о зырянских сказках. Затем он преподавал в гимназиях, на Черняевских курсах, с 1908 г. работал в Психоневрологическом институте. В начале XX века Жаков побывал в нескольких научно-исследовательских экспедициях, написал множество научных трудов (по этнографии, фольклору, лингвистике, математике, астрономии, литературоведению), увлекался психологией, фармакологией, геологией, археологией... Не зря его называли «Зырянским Ломоносовым».

Стоявший у истоков коми литературы, культуры и науки К.Ф.Жаков был разносторонней личностью, первым и единственным коми ученым-энциклопедистом, достигшим крупных успехов как во многих гуманитарных науках, так и в точных дисциплинах (особенно в математике, астрономии; за труды по этим наукам он был избран Почетным членом Парижского астрономического общества). Первый из коми профессор высшего учебного заведения, Жаков внес значительный вклад в российскую фольклористику, этнографию, логику, педагогику, философию, в общую теорию и историю искусства. Он стал первым коми ученым, профессионально занимавшимся изучением коми языка, культуры и быта, а также языков, культуры и быта других финно-угорских народов. В академических кругах России, Эстонии, Финляндии и Венгрии Жаков считался одним из самых авторитетных финно-угроведов. За «работы о зырянах» он был удостоен большой серебряной медали Русского географического общества в 1901 г. Избирался членом Петербургского философского общества, Московского психологического общества, Иркутского археологического общества, Русского географического общества. Архангельского общества изучения Северного края, сотрудничал с ведущими научными и культурно-просветительскими журналами России («Живая старина», «Научное обозрение», «Вестник знаний», «Вопросы философии и психологии», «Нева», «Ясная поляна») [Жакова Л.В., Трифонов Н.М. Сквозь строй жизни // Север. – 1974. – №8; Белоконь С.И. Зырянский Фауст // Даугава. – 1988. – №5].

К.Ф.Жаков внес крупный вклад в изучение фольклора финно-угорских народов, и в первую очередь коми фольклора. Он в ходе научных экспедиций записал большое количество народных сказок и песен, одним из первых в России применил при этом звукозаписывающее средство (фонограф), разработал методику изучения северного народного эпоса, описал типы сказителей и певцов, обнаружил и описал новые явления в фольклоре (такие

как зарождение и расцвет коми частушечной поэзии). Работы К.Ф. Жакова высоко оценили выдающиеся русские фольклористы академики А.И. Соболевский и И.Н. Жданов (можно назвать, например, труды «Зырянские сказки и методы фольклора», «Зырянская народная словесность и русская сказка», «Параллели между сказками восточных финнов и сибирских инородцев» и др.).

Лингвистические труды К.Ф. Жакова («Зырянская грамматика», «О грамматическом строе зырянского языка», «Методология и лингвистика», «Японо-зырянский словарь», «Из наблюдений над мордовским языком» и др.) представляют немалый интерес как один из этапов в развитии коми языкознания. Он называл язык «душой народа», исследовал грамматику коми языка, коми топонимию, историю коми языка. Работы К.Ф. Жакова по грамматике получили высокую оценку видного финского лингвиста Э.Н. Сэтяля. Большое внимание уделял лингвистическим трудам К.Ф. Жакова один из крупнейших российских лингвистов И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. Особую известность в российской лингвистической науке и европейском финно-угроведении того времени К.Ф. Жаков получил как исследователь родства коми языка с языками других народов. Он совершенно справедливо указал на родство ненецкого с коми и другими финно-угорскими языками. Знаменателен вывод К.Ф. Жакова о том, что коми и другие угро-финские языки близки алтайским языкам. Проблему родства уральских (в том числе и финно-угорских) и алтайских языков впоследствии изучали многие лингвисты, и современное финно-угроведение вполне признает возможность этого древнего родства [Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. О некоторых взглядах Каллистрата Жакова на язык // Советское финно-угроведение. – 1989. – №4].

Жаков-мыслитель не мог пройти мимо стоявших перед российским обществом начала XX в. проблем, не мог не задумываться над путями его переустройства. Осенью 1905 г., когда в России после знаменитого царского манифеста 17 октября, открывшего путь к демократическим переменам в стране, стали возникать многочисленные политические партии и группы, К.Ф. Жаков вошел в Демократический союз конституционалистов (переименованный в 1906 г. в Союз народной свободы) и даже некоторое время возглавлял эту партию, выступавшую за установление конституционной монархии, за улучшение экономического положения населения, за духовное освобождение человека. Но уже в 1906 г. он отошел от политической деятельности, разочаровавшись в ней и в возможностях существовавших партий, которых оценивал весьма скептически. Позднее Жаков писал: «К политическим партиям я не принадлежу, отщелкивать никого не умею, наоборот, я всех жалею». «И не надо мне надевать плащ демократа, когда я сам крестьянин, и никакой роли я на себя не беру, ибо я странник земли» [Канев С.Н. Каллистрат

Жаков: Жизнь и судьба. – Сыктывкар, 1990; Жеребцов И.Л. «Создам я сказку всемирную... // Родники пармы-90. – Сыктывкар, 1990].

Самым главным своим достижением Каллистрат Жаков считал разработку своеобразной философской теории, названной им «лимитизм» – от «limes», т.е. «предел» (согласно одному из ключевых положений лимитизма, «познание – переменная величина, идущая к своему пределу, к бытию»; первопричиной всего является «Первопотенциал или Бог», который «беспределен во всех направлениях и во всех смыслах и познать его нельзя. Действует он бесконечно разнообразно, но отношение его к космосу познаваемо»). Лимитизму посвящены работы К.Ф.Жакова «Теория переменного и предела в гносеологии и в теории познания», «Лимитизм: теория переменного и предела в гносеологии», «Основы эволюционной теории познания (лимитизм)» и др.

«Я долго был материалистом, – вспоминал Жаков. – ...С 23-хлетнего возраста был я последователем Канта и идеалистом... Но не был я доволен ни тем, ни другим. С 35-летнего возраста думал о синтезе их, и пришел к своей теории познания». «Лимитизм, – утверждал философ, – ...преодолеывает материализм, идеализм и скепсис». «Лимитизм есть новый метод исследования истории философии и философии истории, и всех других наук... Он объединяет все пути и религии». К.Ф.Жаков подчеркивал: «Лимитизм приходит к учению о Первопотенциале, который неистощим, прост, бесконечно закономерен, свободен, премудр, благ и неделим. Это есть медиальное миропонимание. Минимальное допускает только энергию, максимальное жаждет Бога. Следовательно, Лимитизм есть религия науки. Учение о Первопотенциале есть ядро науки и религии».

Свое учение Каллистрат Жаков адресовал не только религиозным людям, хотя сам он в начале XX века окончательно перешел на позиции религиозной философии. «Лимитизм, – писал К.Ф.Жаков, – является почвою, на которой атеист способен объединиться с человеком верующим. Атеист не признает Бога, потому что не может его логически создать; религиозный же человек, не создавая Бога, ощущает его. И вот в лимитизме атеист логически может найти Бога, человек же верующий – Его ощутить. Следовательно, точка для соглашения найдена».

«В каждом человеке есть Бог, – учил К.Ф.Жаков, – но не проявляется он ни для него, ни для других; чтобы он появился, необходим труд и любовь к творцу». Одно из сформулированных К.Ф.Жаковым «Правил жизни по лимитизму» гласило: «Ищи во все дни твои Бога-творца твоего». Не будет преувеличением сказать, что этому поиску были отданы первые три-четыре десятилетия жизни самого К.Ф.Жакова. А затем, найдя своего Творца и путь, по которому следовало идти, дабы сохранить завещанную еще далекими предками духовность, мыслитель так образно сформулировал свою задачу:

«Мое дело маленькое: проповедовать о Боге моем, странствовать по земле без лукавства, с наивностью ребенка описывать все виденное и слышанное... Так создам я сказку всемирную». Главной целью своей просветительской деятельности К.Ф.Жаков считал «распространению эволюционной религии». На лекциях он «говорил о Боге и о мире», «о Первопотенциале – мудром принципе Вселенной». «Без религии гибель всем», – полагал ученый.

Хотя Жаков писал, что «нет более возвышенной философии, чем православие», его религия, его Бог не очень вписывались в православные (и даже христианские) каноны. Не случайно в одном из городов на его лекции не пускали слушателей курсов для учителей церковно-приходских школ: «одно духовное лицо» сочло, что Жаков не православный, а скорее «пантеист». Действительно, в представлениях его о загробной жизни отразилось влияние религий Востока. Он писал: «Загробная жизнь есть потенциальная жизнь духовного остатка человека... Сон – тоже потенциал души. И сон есть символ загробной жизни. Состояние сна, летаргии, гипноза суть аналоги, символы для познания загробной жизни. Как во сне на нас нападают разные звери, символы наших инстинктов, так и в загробной жизни наши дурные чувства и дела предстанут в виде зверей, жаждущих нас». «После телесной смерти человека... останется... Первопотенциальное ядро бытия..., а на зерне Первопотенциальном остаются следы наших дел и помышлений и жажды жизни. Поэтому Первопотенциальное зерно снова перевоплотится в виде другого организма». Философ В.В.Муравьев указывает на близость представлений К.Ф.Жакова о Боге масонскому пониманию Бога как Великого Архитектора Вселенной (но сведений о принадлежности Жакова к масонам нет). Известно скептическое отношение Калистрата Жакова к «официальной» российской церкви: «Хотел бы я идти молиться к Отцу моему, но как пойду я, когда знаю, что служители в доме Отца моего давят народ мой». «Необходим иной язык религии, иные формы церкви». В поиске этих новых форм, нового языка К.Ф.Жаков в известной мере шел за Львом Толстым, учение которого оказало большое влияние на взгляды ученого [К.Ф.Жаков. Проблемы творчества. – Сыктывкар, 1993. Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, вып. 55].

Не будет большим преувеличением сказать, что результаты научных (особенно гуманитарных) изысканий и мировоззренческих размышлений К.Ф.Жакова, его политических исканий находили свое отражение в литературном творчестве. Как писатель К.Ф.Жаков первым из коми добился широкого признания в России. Его перу принадлежит немало прозаических и поэтических произведений: очерки из жизни коми, удмуртов, коми-пермяков, русских, реалистические и фантастические рассказы, сказки, в которых чрезвычайно искусно использовал фольклор коми народа, автобиографическая повесть «Сквозь строй жизни», стихотворения, поэма «Биармия». Почти все

произведения (за исключением нескольких стихотворений) были написаны на русском языке, поскольку главной целью своего литературного творчества К.Ф.Жаков считал знакомство читающей российской публики с жизнью и культурой коми и других народов севера. Для этого же он основал в Петербурге издательство «Парма». Произведениям Жакова уделили внимание Горький, Блок, Брюсов. Он стал и первым коми писателем, произведения которого (сказки) издавались за рубежом (в Франкфурте-на-Майне, Германия) и вызвали большой интерес; Жакова сравнивали даже с Джонатаном Свифтом, автором знаменитых «Приключений Гулливера».

Кроме того, К.Ф.Жаков – один из первых коми литературоведов и литературных критиков, исследователей коми и мировой литературы. Он первым на исходе XIX в. обратил внимание на произведения основоположника коми литературы И.А.Куратова, открыл его рукописи, а также написал ряд философско-критических работ, посвященных творчеству великих русских писателей Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова, Л.Н.Андреева, норвежского писателя Кнута Гамсуна, французского писателя Альфонса Доде («Личность и общество в учениях Ницше, Достоевского и Толстого», «Иван Карамазов (попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы»)», «Кнут Гамсун и основные мотивы в его творчестве» и др.). Современные литературоведы высоко оценивают эти его исследования [Творчество К.Ф.Жакова. – Сыктывкар, 1991].

Специалисты характеризуют творчество Жакова как своеобразный протест личности против тенденций нивелировки человеческой индивидуальности, отрыва от вечных нравственных ценностей, указывают, что этот писатель в своих национально-фольклорных, историко-философских и социально-поэтических произведениях, оплодотворенных оригинальной философской концепцией, призывал преобразовать жизнь на основе опыта истории и философии, предлагал обратиться к народной этике и эстетике как к высшему проявлению человеческой мудрости, способности усовершенствовать мир, привести его к согласию и единению [Писатели Коми. – Сыктывкар, 1996. Т. 1]. Видный коми литературовед В.Н.Демин полагал, что литературное творчество К.Ф.Жакова – явление глубоко национальное, что как в его реалистических произведениях, так и в созданных по мотивам коми фольклора сказках и даже фантастических рассказах (кстати, Жакова, на наш взгляд, по праву можно назвать первым коми писателем-фантастом), в поэзии отразились самосознание коми народа и собственные поиски писателя, его социально-историческое понимание времени. Ни в коей мере не желая ставить под сомнение принадлежность К.Ф.Жакова коми культуре (и литературе, в частности), считаем все же необходимым отметить выбор им русского языка в качестве своего основного литературного языка. С этой позиции творчество

К.Ф.Жакова (особенно учитывая его влияние на зырянскую интеллигенцию) можно рассматривать как важную веху на пути создания русской литературы в Коми крае.

Одним из первых коми интеллигентов обратился к созданию русских литературных произведений житель с. Вильгорт Алексей Александрович Чеусов (1882–1940), известный позднее краевед, журналист и общественный деятель. Судя по воспоминаниям А.А.Чеусова, начало его занятий литературой относится к 1899 г. (время учебы в Тотемской учительской семинарии). Многие написанные им тогда на русском и коми языках произведения А.А.Чеусов по какой-то причине сжег в конце 1902 г. А в 1903 г., по его словам, «углубился в литературные и этнографические работы» и издал в Вологде небольшую (29 стр.) книжку стихов «Стихотворения зырянина». В нее вошли написанные им в 1899–1903 гг. на русском языке 29 стихотворений. По оценке литературоведа Т.Л.Кузнецовой, многие из произведений А.А.Чеусова не поднялись до поэтического обобщения, остались на уровне «дневниковых записей», однако ряд стихотворений, несмотря на их художественное несовершенство, подкупает искренностью чувств и необычностью образов [Они любили край родной. – Сыктывкар, 1993]. Сам А.А.Чеусов позднее, размышляя над историей литературы Коми края, пришел к выводу, что она едва ли не изначально, со второй половины XIX в., развивалась и на коми (И.А.Куратов, Г.С.Лыткин), и на русском (К.Ф.Жаков, М.Н.Лебедев) языках. Себя А.А.Чеусов относил к двуязычным писателям, отмечая даже в 1920-е гг., в эпоху всеобщей «зыряннизации»: «От русского языка отказаться не мог и не могу» (и это при том, что в вопросах строительства коми литературного языка он решительно – пожалуй, даже чересчур – боролся с «русизмами»). Полагаем в связи с этим, что поэтическое творчество зырянина А.А.Чеусова вполне можно считать одной из вех на пути зарождения русской литературы в Коми крае.

Живший в с. Помоздино уроженец коми-пермяцкого села Покча крестьянин и торговец Василий Прокопьевич Кунгин (1863–1936) с 1890-х гг. писал преимущественно на основе подлинных событий бытовые рассказы из жизни русских и коми крестьян, охотников, купцов, чиновников, а также стихи, исторические, этнографические и экономические статьи и заметки на русском языке. До революции он довольно часто печатался в различных региональных газетах и журналах («Сельский вестник», «Родина», «Известия Архангельского общества изучения Северного края» и др.), встречался со Львом Толстым, которому показывал свои стихи. [Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 225].

Можно упомянуть и о том, что литературной деятельностью занимался коми крестьянин из Усть-Кулома Иван Степанович Рассыхаев (1878–1968) – бытописатель и летописец, самобытный книжник-самиздатчик и просветитель. В свободное от работы время он с 1902 г. на русском языке, с небольшими

фрагментами на коми, вел «Дневные записки», которые иллюстрировал своими рисунками и переплетал в виде книжек. Кроме того, для самообразования и в просветительских целях (для односельчан) он пересказывал на коми языке различную религиозную, просветительскую, учебную и художественную литературу. По данным исследователей, до наших дней сохранилось несколько десятков сочинений и «самиздатских» книг, «изданных» ручным способом [Связь времен. – С. 217].

Один из признанных мэтров коми литературы 1920–30-х гг. Михаил Николаевич Лебедев (1877–1951), в отличие от вышеназванных авторов, родился в русской семье и коми языком овладел уже в юношеском возрасте. Его творческий путь подробно освещен в имеющихся публикациях (см., напр., «Историю коми литературы», Сыктывкар, 1980, или биобиблиографический словарь «Писатели Коми», Сыктывкар, 1996). Напомним основные вехи этого пути. В начале 1890-х гг. М.Н.Лебедев под влиянием прочитанных книг начал сочинять рассказы, повести и даже романы (естественно, на русском языке, которым владел лучше, чем коми) и рассылал свои опусы в редакции различных журналов и газет свои прозаические произведения, но без успеха. Правда, журнал «Всходы» однажды собирался печатать его роман «Разбойничье гнездо» и даже анонсировал его на обложке одного из номеров, но публикация так и не состоялась. Счастье улыбнулось начинающему писателю в 1898 г., когда в Санкт-Петербурге издали его «исторический роман-хронику из эпохи Отечественной войны 1812 года» под названием «За богом молитва, за царем служба не пропадет». В романе, как отмечают исследователи его творчества, наряду с описанием исторических событий и действий героев М.Н.Лебедев попытался изложить и свои религиозные, моральные принципы, довести их до читателей. Публикация романа придала сил для творчества. В 1890-х гг. в издававшейся в Нижнем Новгороде газете «Волгарь» был опубликован большой рассказ М.Н.Лебедева «Отец Телентий. Рассказ из жизни поволжских сектантов» [История коми литературы. – Сыктывкар, 1980. – Т. 1].

В 1900 г. М.Н.Лебедеву удалось опубликовать в журнале «Досуг и дело» рассказы «Иван Голой» и «Морт юр» и посвященное А.В.Суворову стихотворение «Памяти великого героя», а в «Вологодских губернских ведомостях» – несколько очерков из жизни и быта жителей Усть-Сысольского уезда. С этого времени М.Н.Лебедев стал печататься регулярно. Писателем он был очень плодовитым, ежегодно сочинял несколько повестей и рассказов. Поначалу его привлекали, главным образом, различные сюжеты российской истории («Ордынский выходец», «В тумане смуты», «В горящей Москве» и т.п.), а также прошлое коми и коми-пермяков: присоединение Коми края к Русскому государству («В родных Палестинах», «Последние дни Перми великой»), принятие коми народом христианства («Бур ань», «Корт-Айка»).

С событиями истории М.Н.Лебедев знакомился по трудам Н.М.Карамзина, по доступным ему учебникам истории, использовал легенды и предания коми. Важное место он отводил пропаганде религиозно-нравственных идеалов, тем более что некоторые журналы, в частности, «Русский паломник», где печатался Лебедев, издавали преимущественно религиозно-нравственные произведения, имевшие надзирательный характер. Основная часть произведений М.Н.Лебедева вышла в журнале «Досуг и дело», отдельные вещи – в приложении к журналу «Русский паломник», журналах «Природа и люди», «Известиях Архангельского общества изучения русского Севера», «Ратоборец», в издательстве «Свет». Произведений на бытовую тему поначалу было немного: «Печальная повесть» (1901 г.) и некоторые другие. Со временем их число увеличилось: из-под пера М.Н.Лебедева вышли повесть «Таня Осина» (1909 г.), рассказы «На общую пользу», «Фома Лёкмортов» (1914 г.), «Среди медведей» (1914 г.), автобиографическая повесть «В волостном омуте» (1914 г.). [Писатели Коми. – Сыктывкар, 1996. Т. 1].

С 1906 г. в газете «Северная земля», а затем и в других изданиях стал публиковать свои произведения русский писатель-публицист из вымского села Серегово Иван Алексеевич Шергин (1866–1930). Его перу принадлежат несколько рассказов, стихотворений и поэм, но, в основном, он писал очерки и статьи на русском языке («На зырянской ярмарке», «Естественные богатства Усть-Сысольского уезда» и другие). С 1908 г. И.А.Шергин стал сам издавать свои литературные сборники. В предисловии к вышедшему в 1908 г. сборнику путевых заметок, очерков и рассказов «Богатства Севера» он писал: «В предлагаемых очерках я постараюсь представить в кратких словах, приподнять завесу таинственности, скрывающую доселе никем не описанный и основательно не исследованный зырянский мир, затерявшийся в обширных пространствах Севера». С 1910 г. все больше внимания И.А.Шергин стал уделять общероссийской тематике. Переехав из Серегово в Санкт-Петербург, он не порывал и связей с Коми краем, почти ежегодно приезжал сюда для сбора материалов, посещал также Архангельск, Вологду и другие северные города. В 1912 г. И.А.Шергин организовал свое периодическое издание «Вестник Севера», опубликовал несколько выпусков, но затем из-за нехватки средств «Вестник» пришлось закрыть [Полешиков В.М. За семью печатями. – Сыктывкар, 1995].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. ряд представителей творческой интеллигенции Коми края, наиболее ярким представителем которых был зырянин К.Ф.Жаков, написали и опубликовали немало произведений на русском языке, посвященных в значительной мере жизни и культуре Коми края и адресованных как местному и северному, так и общероссийскому читателю.

Это прозаическое и поэтическое творчество вело к сложению своеобразной русской литературы Коми края.

Однако изменившаяся обстановка в стране и регионе прервала этот процесс. М.Н.Лебедев еще в предвоенные годы (1912–1913) стал писать отдельные произведения на коми языке, а в послереволюционное десятилетие под влиянием чрезвычайно популярных тогда среди интеллигенции идей коми национального возрождения и проводившейся в 20-е гг. политики «зыряннизации» комиязычные произведения заняли ведущее место в его творчестве. Немаловажно, что коми население в те годы составляло абсолютное большинство жителей Коми автономии, так что создание коми письменности и собственного издательства, активная и порой даже агрессивная пропаганда зырянской литературы сделали коми читательскую аудиторию несравнимо шире немногочисленной русской.

А.А.Чеусов в 20-е гг. активно занялся журналистикой, краеведением и общественной деятельностью, литературной критикой, строительством коми литературного языка, а собственное поэтическое творчество отошло далеко на задний план. Вернувшийся после революции в Коми край И.А.Шергин из-за своих либеральных взглядов вскоре лишен был возможности заниматься литературной публицистикой и в конечном итоге репрессирован (А.А.Чеусова позднее постигла та же участь). Перестали публиковать В.П.Кунгина (многие ранние рукописи были изъяты у него при неоднократных арестах). И.С.Рассыхаев хотя и продолжал заниматься своими автобиографическими сочинениями, однако они мало кому были известны.

К.Ф.Жаков, которого звали приехать в Коми, остался в Прибалтике, с ужасом наблюдая за происходившим в России. 28 октября 1920 г. в тартуской газете «Приграничный житель» было опубликовано открытое письмо К.Ф.Жакова В.И.Ленину. «Вы сидите на троне, а я странствую по просторам этого света и, не связанный ни с чем, пишу Вам правду... Мир для Вас – большой механизм и человек – маленькая машина... Вы решили изменить жизнь человеческого рода насилем и убийством. Вы убили миллионы и готовите убийство еще миллионов, однако жизнь не изменит себя по Вашим желаниям. Вы попали в безвыходное положение... Вы – односторонний мыслитель. Вы построили политику на материализме и Вы должны исчезнуть, так как политика – это искусство, которое должно основываться на разностороннем знании природы и человека. На плохой философии основывается и плохая политика, и Вы, Ленин, должны все снова и снова убивать людей, или быть самим убитым... И мы, лимитисты, предлагаем Вам один путь спасения на основе разностороннего разума мира. Вы должны признать перед народом, что философия – материализм, который допускает насилие, погубила Вас. Признайтесь перед народом, это единственный путь спасения, тогда все поймут,

что путь прогресса – не насилие, а обосновывание своих мнений, воспитание, терпение, самопожертвование...» [Молодежь Севера. – 1992, 10 янв.]. К слову сказать, один из принципов жизни по лимитизму, сформулированных К.Ф.Жаковым в конце 1920 г., гласил: «Избегай пуще всего тех, кто строит из голов человеческих лестницу, ведущую на трон. Противоборствуй всеми силами против этих людей»... Правда, под конец жизни, когда в России ситуация (с введением НЭПа), казалось, стала меняться к лучшему, К.Ф.Жаков собирался вернуться на родину, но смерть помешала этому.

24 января 1926 г. К.Ф.Жаков был похоронен на одном из рижских кладбищ. Но и после смерти ему не было покоя: ученик профессора Э.Барон, руководитель «Академии философии лимитизма», распорядился выкопать тело ученого из могилы и бальзамировать его. Даже мертвым К.Ф.Жаков должен был остаться полезным своему любимому детищу: его набальзамированное тело предполагали сохранить в «Храме лимитизма» (мавзолее, который намеревались построить в 80 километрах от Риги), из стен которого учение покойного будет распространяться по всему миру. И лишь в конце февраля после протестов родных (сын прислал из Петербурга телеграмму: «Руки прочь от трупа моего отца!») тело К.Ф.Жакова вновь было захоронено на Покровском кладбище в Риге.

Уход из жизни писателя и ученого не остался без внимания на родине. Коми отдел Совнацмена Наркомпроса РСФСР и представительство Коми автономной области при ВЦИК опубликовали траурное сообщение в газете «Известия». Материалы, посвященные Жакову, печатались в ленинградской, архангельской и коми прессе. В Коми облисполкоме состоялся вечер памяти ученого и писателя, в организации и проведении которого участвовали руководители области. Внимание к личности и наследию Жакова в 1920-х годах вполне объяснимо. Перемены в стране, подлинный смысл которых многим оставался еще не ясен, появившаяся вроде бы возможность самостоятельно строить жизнь своего народа в соответствии с его потребностями и национальными традициями (оставшаяся, в конечном итоге, реализованной лишь отчасти) способствовали пробуждению национального самосознания коми. На переломном этапе истории, тем более во время создания собственной национальной государственности вполне понятен интерес к прошлому, поиск в нем знаменательных вех, ориентиров – будь то примечательные события или выдающиеся личности, на которые можно было бы оглядываться при движении вперед. Естественным поэтому было обращение к легендарной Биармии, к К.Ф.Жакову...

Особенно важно, что К.Ф.Жаков в начале XX века стал своего рода предтечей для коми ученых, педагогов, просветителей, журналистов 20-30-х годов. Именно ему принадлежат осуществленные его последователями уже в

послереволюционные десятилетия идеи издания коми газеты, литературы на коми языке, внедрения в учебные программы изучения коми языка, коми культуры, географии и экономики родного края, открытия в Коми крае технических училищ и иных новых учебных заведений, дававших бы более разностороннее образование, объединения ученых различных специальностей и энтузиастов краеведов для изучения Коми края, народа коми. В сущности, в многочисленных публикациях и выступлениях К.Ф.Жакова была сформулирована программа национального возрождения коми народа. Естественно, что не только деятели коми культуры, просвещения и науки, но и многие политические деятели 1920-х гг. постоянно обращались к трудам и идеям К.Ф.Жакова, считали их чрезвычайно важными и актуальными в эпоху становления национальной государственности Коми. На смерть К.Ф.Жакова журнал «Коми му», издававшийся Коми облисполкомом и Обществом изучения Коми края, откликнулся в 1926 г. некрологом, завершившимся так: «У коми народа есть крупные исторические личности, принадлежащие каждая своему времени. Каждое из этих имен – эпоха, которую надо изучать с бесстрашием историка, с пламенем любви к национальному возрождению и с почтительным уважением к своему родному прошлому».

В сущности, в двадцатые годы практически умерла и зарождавшаяся в предреволюционные десятилетия русская литература Коми края. Последним гвоздем в ее гроб стало набравшее обороты на рубеже 20-х–30-х гг. искоренение инакомыслия, формировавшее осторожное и даже боязливое отношение ко всему, что не укладывалось в отведенные рамки, год от года становившиеся все уже и жестче. Покойный Жаков с его лимитизмом, антиурбанистическими настроениями, дореволюционным «стажем работы», жизнью за рубежом и тем более цитировавшимся письмом к Ленину никак не соответствовал диалектическому и историческому материализму, социалистической индустриализации, борьбе с проклятым наследием царизма и единственно верному учению коммунистической партии. В коми печати на рубеже 20–30-х гг. провозглашалось: «Надо развенчать всех буржуазных и мелкобуржуазных героев коми торговой буржуазии и кулачества и выбросить их в мусорный ящик истории. Под клинком марксистско-ленинского анализа сызнова пересмотреть все литературное наследство коми интеллигенции». Первым «под клинок марксистско-ленинского анализа» попал К.Ф.Жаков, объявленный «идеологом коми буржуазии и кулачества», «белоэмигрантом», «попом без рясы и креста». После этого для широких кругов читателей литературное и научное творчество Жакова, по сути, перестало существовать на несколько десятилетий. Естественно, что М.Н.Лебедев в такой обстановке, надо думать, и сам постарался забыть о своих дореволюционных русскоязычных произведениях типа «За богом молитва, за царем служба не пропадет»...

В 30-е гг. политика «зырянизации» уже не проводилась, но инерция двадцатых в этом плане была еще сильна, и о собственной русской литературе Коми автономии речь вести не приходилось – если не считать разве что «лагерной печати» бурно росших в Коми лагерей, заполнявшихся, помимо всех прочих, и за счет репрессированных русских (или, по крайней мере, русскоязычных) писателей; последние получали даже порой возможность публиковать небольшие произведения...

Только в 50-е годы, как уже говорилось, в республике стала развиваться русская литература. Думается, свою роль сыграл в этом резкий рост вольного русского населения, численность которого благодаря массовому притоку рабочих на строящиеся промышленные предприятия, бывших заключенных и спецпереселенцев значительно превысила численность коми. Эта читательская аудитория, естественно, требовала своих местных авторов. Нельзя не упомянуть и об еще одном немаловажном, на наш взгляд факторе – начавшейся в 50-х – начале 60-х гг. постепенной ликвидации в республике национальной коми школы, вытеснении (вольном или невольном, в данном случае не имеет значения) коми языка из сферы делового общения, сокращении числа комиязычных изданий и в конечном итоге к снижению статуса коми языка (а вместе с ним – и коми книги, коми литературы) в восприятии значительной части коми населения. Если «зырянизация» 20-х гг., в сущности, воспрепятствовала сложению местной русской литературы, то «русификация» послевоенной эпохи, напротив, в известной мере способствовала ее становлению и развитию. Впрочем, этот вопрос уже выходит за рамки нашего доклада.

О создателях русской литературы Коми края конце XIX – начала XX вв. долгое время старались не вспоминать. Доходило до абсурда: видный коми этнограф Л.Н.Жеребцов вспоминал, что в 1950-60-е гг. запрещалось даже ссылаться на этнографические публикации К.Ф.Жакова; после долгих споров ему разрешили-таки упомянуть названия статей Жакова, но без указания их автора...

В конце 1960-х годов публикации коми писателя И.В.Изьюрова, ученых А.К.Микушева и В.А.Латышевой пробили брешь в стене, возведенной вокруг Жакова. В статьях Л.В.Жаковой (внучки К.Ф.Жакова), Н.М.Трифоновой, А.В.Шабунина, изданных в 1970-х гг., опровергались прежние, однозначно отрицательные оценки. Но появление этих работ не означало еще реабилитации К.Ф.Жакова. Были и сторонники прежнего подхода (А.А.Попов, С.Н.Канев и некоторые другие), точка зрения которых в конечном счете и возобладала в комиссии по литературному и научному наследию К.Ф.Жакова, созданной при Коми обкоме КПСС. Статья в газете «Красное знамя» (органе обкома) с характерным названием «Соблюдать партийность в освещении вопросов истории» (15 сентября 1977 г.) определила официальное отношение к Жакову

на последующее десятилетие. В «Истории Коми АССР» (1978, 1981 гг.) о нем есть лишь краткое негативное воспоминание. Имя Жакова хотели вычеркнуть и из «Истории коми литературы» (1980). Авторам одной из глав удалось отстоять возможность написать о К.Ф.Жакове, но прошедший в печать вариант также оказался однозначно отрицательным (за исключением процитированных там благожелательных отзывов А.М.Горького). Иные мнения удавалось высказать в печати крайне редко (смогли сделать это коми филологи В.Н.Демин и Г.В.Беляев, украинский исследователь С.И.Белоконь).

Об А.А.Чеусове стали упоминать в печати в конце 1950-х гг., но с весьма резкими, недоброжелательными эпитетами. Пожалуй, только писатель и ученый П.Г.Доронин сохранил добрую память о Чеусове и искренний интерес к его творчеству. Именно он убедил вдову А.А.Чеусова подать в 1965 г. заявление о его реабилитации. Чеусов был реабилитирован в 1967 г., а первые серьезные публикации о его жизни и творчестве (этим занималась, в частности, литературовед Т.Л.Кузнецова) появились во второй половине 80-х – начале 90-х гг. На рубеже 80-х–90-х гг. были опубликованы и материалы о В.Кунгине, И.Рассыхаеве, И.Шергине.

Что касается К.Ф.Жакова, то даже в период «гласности и демократии», в 1988 г., когда коми республиканская молодежная газета «Молодежь Севера» опубликовала статью о нем одного из авторов данного доклада, тогдашний первый секретарь обкома КПСС В.И.Мельников на собрании ученых Коми научного центра сурово указывал, что надо еще разобраться с теми, кто пишет и публикует «хвалебные статьи» про «наших идеологических противников». Впрочем, времени «разбираться», как вскоре выяснилось, у него уже не оставалось, а новое руководство республики заняло по отношению к творческому наследию Жакова совсем иную позицию. В 1990 г. в Коми республике впервые была издана книга К.Ф.Жакова «Под шум северного ветра», а 19 декабря 1990 г. прах писателя и ученого, перевезенный из Риги, был перезахоронен в Сыктывкаре – в третий и, наверное, последний раз... В последующие годы из печати вышли новые издания книг Жакова, появились многочисленные публикации о нем и его творчестве, прошли научные конференции, посвященные его наследию. Вновь, как и в 20-е гг., на новом этапе развития коми национальной государственности в составе России, коми ученые, политики, общественные деятели обращаются к личности и трудам К.Ф.Жакова. В конце сентября 2001 г. в Сыктывкаре по инициативе культурно-просветительской организации «Сыктывкар» прошел вечер памяти К.Ф.Жакова, приуроченный к 135-летию со дня его рождения и 75-летию со дня смерти. Символично, что в организации и проведении этого вечера, как и состоявшегося семьдесятю пятью годами ранее, приняли участие руководители Коми.